Да, прямо под первым шкафом у двери.

Ань Лэ привел Чжао Чэна в кабинет.

Он уже было собирался присесть на корточки, но вдруг повернулся к Чжао Чэну:

— Может, ты сам возьмешь? Все-таки это деньги дяди Чжао.

Чжао Чэн присел на корточки и открыл дверцу шкафа: внутри лежало несколько пачек наличных и какие-то документы. В его глазах мелькнуло удивление — он никак не ожидал, что отец спрячет заначку в столь неприметном месте.

Достав пачку купюр, Чжао Чэн странно посмотрел на Ань Лэ:

— Сам-то почему не берешь?

Ань Лэ указал на угол:

— Там камера наблюдения, я боялся, что если возьму один, это вызовет какие-нибудь недоразумения.

Чжао Чэн не стал слушать объяснения Ань Лэ, лишь бросил взгляд на камеру и задумался.

В это время Чжао Лиюань выкроил свободную минуту, чтобы запустить на телефоне трансляцию с камеры.

Увидев, как Ань Лэ входит в кабинет, он расплылся в довольной улыбке, но в следующее мгновение заметил, как его собственный сын тоже подошел к книжному шкафу и присел рядом.

— Черт возьми, а этот малый сообразителен!

Получив деньги, Ань Лэ собрался идти в магазин за продуктами на завтра, а Чжао Чэн вытащил из пачки несколько купюр. Ань Лэ не стал останавливать его — в конце концов, это были не его деньги.

Все время, пока они возились с деньгами, Ань Лэ стоял лицом к камере. Уходя, он по одной пересчитал оставшиеся у него деньги, держа их перед собой в воздухе напротив объектива.

Чжао Лиюань велел ему больше ничего не записывать.

Лучше бы он этого не говорил! Раз уж было сказано так, то Ань Лэ не только продолжит вести учет, но и станет записывать всё в двух экземплярах!

Один вариант — в телефоне, другой — в бумажной бухгалтерской книге.

На следующий день Ань Лэ, как и велел Чжао Лиюань, захватил с собой горшок с колокольчиками.

Цветы дома были ухоженными и выглядели прекрасно.

Сейчас как раз наступила пора цветения: белые бутоны китайского колокольчика едва раскрывались, а их лепестки отливали нежной блекло-зеленой дымкой, выглядя очень красиво.

Наученный горьким опытом, в этот раз Ань Лэ попросил водителя остановиться примерно за десяток метров до главных ворот элитного поселка. Дальше он пошел пешком, бережно прижимая к груди горшок с цветами и термос.

Сегодня на посту дежурил другой охранник, поэтому Ань Лэ пришлось снова звонить Ань Юнь, чтобы подтвердить свою личность. Но, на беду, вызов никто не принимал. Ань Лэ набрал номер еще несколько раз, но все попытки окончились неудачей.

Он с тревожным видом покосился на охранника.

У сегодняшнего дежурщика было грубое лицо и особенно свирепый взгляд.

Ань Лэ закусил губу и принялся объяснять:

— Вчера дозвониться получилось, и вчерашний дядя-охранник пропустил меня внутрь.

— Проходим, проходим! Хватит со мной болтать.

Охранник взмахнул черной дубинкой и кивнул на траву у дороги:

— Вон туда встань и жди, не загораживай проезд машинам.

Ань Лэ оглянулся и увидел черную легковушку, которая как раз собиралась въехать в ворота. Место, где он стоял, и правда перекрывало въезд у опор столба.

— …Простите.

Прижимая к себе горшок, Ань Лэ поплелся к обочине.

Хэ Цзиньнянь поднял голову и увидел именно эту картину.

Ань Лэ стоял, опустив голову и бережно обнимая белый колокольчик; бледно-зеленые лепестки слегка касались его поцарапанного лица.

Сидевший на переднем пассажирском сиденье управляющий заметил в зеркало заднего вида, что его молодой господин повернул голову, и тоже обернулся. Как раз вовремя, чтобы увидеть Ань Лэ, которого прогнали к обочине.

Управляющий поднял руку, приказывая водителю остановиться, опустил стекло и наигранно удивился:

— Ань Лэ, это ты?

Услышав, что его кто-то зовет, Ань Лэ поднял голову и узнал в человеке из машины управляющего Се, который вчера ему помог.

Его помрачневшее настроение мгновенно рассеялось, сменившись легкой радостью!

— Управляющий Се? Добрый день, вы только что вернулись из города?

Ань Лэ послушно прижал цветы к груди, стоя у дороги, а его голос звучал мягко, наполненный присущей юности чистотой и жизненной силой.

— Да, только приехал и сразу увидел тебя у ворот. Что-то случилось?

Охранник, заметив, что Ань Лэ знаком с самим управляющим Се, переменился в лице — его охватил страх, и он моляще посмотрел на юношу.

Ань Лэ не заметил молящего взгляда охранника и покачал головой:

— Ничего страшного, просто я хотел пройти внутрь и передать еду, но у мамы внезапно телефон не отвечает.

Управляющий Се улыбнулся:

— Вот оно как.

Он повернулся к охраннику:

— Этот юноша — мой гость, впредь его можно не записывать в журнал, пусть проходит сразу.

Охранник тут же закивал с донельзя угодливой улыбкой:

— Раз этот молодой человек — друг управляющего Се, то он желанный гость в наших краях, какая уж тут регистрация.

Затем он повернулся к Ань Лэ, почтительно поклонился и виновато пробормотал:

— Братец, я тебя не испугал часом? Ты уж извини, я не со зла этой палкой махал.

Ань Лэ ответил:

— Ничего страшного, вы же просто выполняете свою работу, я всё понимаю.

— Вот и славно, вот и хорошо, спасибо за понимание!

Добившись прощения Ань Лэ, охранник осмелился поднять глаза на управляющего Се.

Увидев, что лицо управляющего спокойно, он боязливо отступил в сторону.

Ань Лэ, наблюдая за метаниями охранника, совершенно ничего не понял.

Разве управляющий Се выглядит настолько пугающе?

Он перевел взгляд на старика, но тот по-прежнему улыбался глазарекомендательно и очень мягко.

— Ты ведь идешь в поместье отнести обед? Как раз в машине есть свободное место, подбросить тебя?

Хэ Цзиньнянь молча сидел на заднем сиденье. Услышав слова управляющего, он было поднял лежавшую рядом руку, но тут же опустил ее.

Ань Лэ с улыбкой покачал головой:

— Не стоит, мне неудобно с горшком, да и суп этот… Вдруг расплескается по салону, будет

неприятно.

— Спасибо, что провели меня сюда, я лучше дойду пешком.

Управляющий на секунду замолчал, собираясь бросить взгляд на молодого господина через зеркало заднего вида, но Хэ Цзиньнянь опередил его — черная перегородка медленно поползла вверх.

Управляющий беспомощно покачал головой, то ли мысленно обращаясь к Ань Лэ, то ли к собственному хозяину.

— Ну ладно тогда, я поеду вперед, будь осторожен.

Ань Лэ вежливо слегка поклонился:

— Хорошо, спасибо вам.

*

Добрался до вчерашней оранжереи с горшком цветов и термосом в руках, Ань Лэ обнаружил, что Чжао Лиюаня на месте нет.

В домике тоже никого не оказалось. Ань Лэ хотел позвонить, но в записной книжке был номер только Ань Юнь, а ее телефон упорно не отвечал.

Он уже собрался уходить, чтобы поискать кого-нибудь из рабочих и расспросить, как вдруг из глубины оранжереи донесся тихий шорох.

— Ань Лэ.

Услышав знакомый голос, Ань Лэ радостно обернулся:

— Мама! Ты почему здесь?

Ань Юнь была в плетеной соломенной шляпе, длинном кружевном платье, а поверх него надеты фартук и высокие сапоги в тон шляпе.

Ань Лэ любил маму в любом ее проявлении, и его глаза при встрече с ней сияли.

— Я принесла обед дяде Чжао, а ты уже поела?

— Я сегодня взяла с собой много еды, можешь пообедать вместе с дядей Чжао.

Ань Юнь не любила заглядывать сыну в глаза. Отводя взгляд, она холодно произнесла:

— Он в саду, я провожу.

— Угу.

Ань Лэ с термосом в руке последовал за мамой. Заметив, что она работает в перчатках и держит инструменты, он подошел ближе и предложил:

— Мама, давай я поднесу?

Не оборачиваясь, Ань Юнь переложила инструменты в другую руку и отказалась:

— Не нужно.

Ань Лэ опустил взгляд на термос:

— Мама, а здешняя еда тебе по вкусу? Раз уж я теперь каждый день ношу обед дяде Чжао, давай я и тебе буду носить?

— Не нужно, без разницы, кто готовит.

Уголки губ Ань Лэ опустились, и он тихо произнес:

— Разве может быть без разницы…

Ань Юнь услышала это, остановилась, бесстрастно повернулась к нему лицом и бросила:

— Какая разница, еда твоего приготовления какая-то особенная, драгоценная, что ли?

Ань Лэ опешил от такого крика.

— Ты что, рад, что твой дядя Чжао пострадал? Послушай меня, Ань Лэ, ты сюда не на курорт приехал!

— Что с тобой такое? Прошло всего несколько дней, а ты уже растратил деньги, что дал тебе дядя Чжао? Я просила тебя приносить еду, а ты мало того, что явился, так еще и посмел

выпрашивать у него деньги?

Ань Лэ почувствовал себя горько обиженным и попытался оправдаться:

— Мама, совсем не так! Я попросил денег, потому что младший брат…

— При чем тут твой брат!

— Я тебя спрошу прямо! Дядя Чжао сказал, что вчера в обед ты к нему приставал с деньгами, было такое или нет?!

Ань Лэ приоткрыл рот, собираясь всё объяснить, но, увидев ярость на лице Ань Юнь и полное отвращение в ее глазах, понял, что все слова застряли в горле.

Он с болью посмотрел на мать.

Вот почему дядя Чжао, несмотря на травму ноги, поплелся работать в такую даль.

Вот почему мама, которая всегда трудилась в других оранжереях, сегодня оказалась именно здесь.

Когда Ань Юнь снова собралась заговорить, Ань Лэ схватил ее за запястье и торопливо затараторил:

— Младший брат привел домой много друзей, и деньги ушли на угощение для них! Вот почему я попросил денег у дяди Чжао.

— Мама, я не транжирил. Я виноват, прости, не злись.

— Ты…

Гнев Ань Юнь оборвался на полуслове, упрек застрял в горле, не найдя выхода.

Она глубоко вздохнула, голос ее стал тише, а в тоне проступила смертная усталость.

— Ань Лэ, маме приходится очень тяжело. В семье Хэ дел невпроворот, и требования здесь жесткие. Твой дядя Чжао из-за этого даже пострадал.

— Мама вчера всё не так поняла, не выполнила указания должным образом и насолила старшей горничной.

— Теперь у меня каждый день гора работы, я ужасно устаю и больше не хочу выматывать себе душу из-за посторонней суеты.

— Ты можешь войти в мое положение? Подумай хоть немного обо мне!

Выслушав мать, Ань Лэ посмотрел на нее с трепетной жалостью:

— Мама, я всегда вхожу в твое положение.

Ань Юнь покачала головой:

— Нет, не входишь.

— Посмотри на себя, что ты наделал? Только и умеешь, что выводить меня из себя. Неужели нельзя поучиться у Чэнчэна, хоть в чем-то облегчить мне жизнь?

— Мама…

Ань Лэ растерянно замер:

— Я… я могу оставаться здесь каждый день и помогать тебе! Я многому научился у дедушки.

— Вчера я даже помог дяде Чжао перетащить горшки с цветами, да и домашние цветы… я за всеми ними отлично ухаживаю.

Ань Юнь вздохнула:

— Поговорим об этом позже.

*

Когда мать с сыном дошли до сада, Чжао Лиюань оживленно болтал с двумя другими садовниками.

Увидев Ань Лэ, он вгляделся в него со скрытым любопытством, словно пытаясь разглядеть, в каком тот сейчас состоянии.

— Ой, а вот и Ань Лэ. Что же ты так поздно?

http://bllate.org/book/36498/4535197